

Рендл Марина Валерьевна

доктор философских наук, доцент

ПОСТМОДЕРН: ПРОДОЛЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ ИЛИ ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЕ?

Аннотация:

В статье рассматривается точка зрения российских исследователей, которые заявляют о конце эпохи постмодерна и начале социокультурной парадигмы, условно обозначаемой как постпостмодерн. Автором охарактеризованы компоненты социальной жизни, в том числе виртуализация, усиление технообразов, рост сферы влияния медиа, формирование новой жизненной матрицы, связанной с повседневной доминантой техники, выработка иных, прежде не существовавших стратегий преодоления вызовов современного мира и др. Все эти составляющие, как показывает проведенное исследование, присутствуют в постмодерне и не могут служить индикатором грядущего социокультурного сдвига, позволяющего зафиксировать фундаментальные изменения на уровне социума и индивида, выявить в настоящее время перспективы его развития. В статье определены особенности культуры постмодерна, проанализированы ценности современного поколения миллениалов, которые по всем формальным признакам полностью принадлежат пространству постмодерна и при этом не несут постпостмодернистского посыла. Благодаря распространению медиа, источником доверия служат не устойчивые морально-нравственные ориентиры, а мнение о той или иной ситуации, разделяемое большинством.

Ключевые слова:

ценности, постмодерн, постпостмодерн, пространство, современная культура, новая социокультурная парадигма, поколение миллениалов, масс-медиа.

Rendl Marina Valeryevna

D.Phil., Associate Professor

POSTMODERNISM: THE CONTINUATION OF THE SOCIAL AND CULTURAL PARADIGM OR ITS COMPLETION?

Summary:

The study considers the viewpoint of Russian researchers who declare the end of the postmodern era and the beginning of a new social and cultural paradigm defined as post-postmodernism. The author describes the components of social life such as virtualization, the power of technology, the increasing scope of media influence, the creation of a new life matrix under the daily dominant technology, and the development of novel strategies for overcoming the challenges of the modern world. The study demonstrates that all these components are present in postmodernism and cannot serve as an indicator of the coming sociocultural shift which allows us to detect fundamental changes in both society and the individual and identify the prospects for its development today. The research highlights the characteristics of postmodern culture and analyzes the values of Millennials belonging to postmodern space on formal grounds and failing to reflect post-postmodernist features. Thanks to the proliferation of media, the source of confidence is represented by the majority opinion on any situation rather than robust moral guidelines.

Keywords:

values, postmodernism, post-postmodernism, space, modern culture, new social and cultural paradigm, Millennials, mass media.

В контексте нашего исследования возникает проблема выбора, заключающегося в том, следует ли ставить вопрос о грядущем конце постмодерна и начале новой социокультурной парадигмы на Западе. Сегодня размышлять о возможности оценки постмодерна непросто ввиду его незавершенности – и как интеллектуального проекта, и как социокультурного явления. Время смены постмодерна некоторым другим состоянием непрогнозируемо: более того, контуры этого состояния не просто не очерчены, а могут быть обозначены только условно.

Однако в среде отечественных и зарубежных ученых, работающих с контекстуальным содержанием постмодерна, выработались определенные тенденции, позволяющие если не смоделировать социокультурную парадигму, то хотя бы высказать идеи по ее возможному контекстуальному наполнению. Необходимость очерчивания границ новой парадигмы вызвана, по мнению многих современных авторов, принципиальной вторичностью категориального аппарата постмодерна, его неспособностью выйти за грань не просто рефлексии над содержанием тех или иных понятийных форм, а банального повтора, пасташи, семантической пародии.

В качестве альтернативы постмодерну М.Н. Эпштейном [1] предлагается термин «протомодерн», символизирующий зарождение принципиально иной по своему содержанию социокультурной эпохи. Будущее в этом аспекте дискредитировало себя в пространстве постмодерна, превратившись в пустой знак без означаемого, в стратегический симулякр. Оно не наделяется никакими существенными характеристиками, которые могли бы претендовать на однозначность и завершенность. Непроявленность, неоднозначность будущего – характерный симптом постмодерна, также свидетельствующий о его незавершенности. Категория будущего, по мнению

М.Н. Эпштейна, стала периферийной в постмодерне, что явилось результатом обширной спекуляции с массовым сознанием на протяжении первой половины XX в., обещания «светлого будущего», наступления эры коммунизма.

Для О.А. Митрошенкова наступление постпостмодерна является практически свершившимся фактом. По мнению исследователя, постмодерн в буквальном смысле не поспевает за динамикой современности. Он утратил способность отвечать вызовам своего времени, превратившись в беспочвенную рефлексию над не актуальными более проблемами: «исчерпание постмодернистского импульса произошло быстро – уже в середине 1990-х годов ситуация стала переопределяться в разных измерениях: технологически (Интернет стал мощным и значительным фактором социальной жизни); политически (теоретический и практический крах влиятельного ранее неоллиберализма признан практически повсеместно); социально (радикализация среднего класса, рекрутируемого из среды «массового человека», который в отдельных отношениях превосходит худшие черты и обретает идентичность более высокого порядка); культурно (актуализация фундаментализма, причем не столько религиозного, сколько экзистенциального, обращенного к надежным и понятным нормам и ценностям); эстетически (новый натурализм, воскресший неоакадемизм). Хаос, один из ведущих посылов постмодернизма, стал расцениваться не только как совокупность неограниченных возможностей развития, но и как фактор, повышающий социальный риск» [2].

Данное высказывание не является бесспорным. Историческая схема «модерн-постмодерн» содержит отсылку к социокультурному пространству на Западе, а не к социокультурным системам, например, Ближнего Востока. Поэтому было бы неверным утверждать о крахе неоллиберализма в конце 90-х на Западе. Этот крах не наступил и в наши дни. Постпостмодерн – условное название новой парадигмы, отражающее изменения, которые начали происходить. О.А. Митрошенков выделяет четыре особенности становления парадигмы постпостмодерна. К ним относятся такие компоненты социальной жизни, как «виртуализация пространства социальных взаимодействий, создание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий, глокализация сообществ в рамках глобализации, транссентиментализм» [3].

Интернет и виртуализация не только духовных процессов бытия индивида (Ж. Бодрийяр), но и капитала (З. Бауман) стали, наоборот, характерными симптомами именно постмодернистского общества и культуры. Аналогично характеризуется и категория хаоса как одного из факторов социального риска, концептуально осмысленного в пространстве постмодерна. Синергетическая и другие концепции управления сложными системами, получившие развитие в конце 1970-х гг., апеллировали к творческому, креативному потенциалу хаоса, не исключая его как основной фактор нестабильности и нерегулируемости.

Обратимся к вопросу о трансформации технообразов и роли медиа, которые в последнее десятилетие начинают играть доминирующую (а не периферийную) роль в формировании немировоззренческих ориентиров индивида. Техники манипуляции посредством технообразов – подвижных социокультурных аттракторов, выгодно представляемых как «живой», изменяемый продукт массовой аудитории – с каждым годом представляют все более устрашающие результаты, что можно наблюдать сегодня на примере Украины. Практика политтехнологий и манипуляции сознанием стала одним из главных инструментов контроля масс. Вместе с тем данная ситуация не является парадигмальным сломом, а отражает совокупность тенденций в постмодерне, благодаря которым масс-медиа приобрели высокую степень влияния. По утверждению Д.И. Чистякова, «масс-медиа мистифицируют массовое сознание, делают реальный мир иллюзорным, симулятивным и ненадежным. Поэтому Ж. Бодрийяр назвал реальность, формирующуюся под воздействием масс-медиа, «гиперреальностью», где социокультурные факты утрачивают связь с объективным миром и становятся автономными симулякрами.

Отношения человека с миром трансформируются радикальным образом. В мире, где господствуют искусственные модели, не делают различий между «словами» и «вещами» (М. Фуко), в нем главенствует текст, в том числе создаваемый масс-медиа. «Мир как текст» – один из наиболее значимых принципов постмодернизма. Реальность непостижима без языка, без текста. Согласно точке зрения Р. Барта, «сама жизнь даже создается по образцу литературного произведения» [4]. Гегемонию масс-медиа в постмодерне отмечает и З. Бауман, утверждая, что регуляция механизма массового спроса и потребления в пространстве «текучей» современности осуществляется как раз благодаря СМИ, навязанным рекламным образам и др.

О.П. Беспалая также считает, что постмодерн закончился. Автор пишет о том, что упоминаемая западными философами-постмодернистами эпоха метанарраций, видимо, завершена. Следовательно, необходимо найти другое определение для происходящих социокультурных трансформаций, например, трансмодерн. По мнению О.П. Беспалой, отличительной чертой альтермодерна служит изменение темпоральности. Социокультурная реальность рассматривается как совокупность проектов, выполняя которые, индивид нацеливается на новый без связи с

предыдущим: «иными словами, люди объединяются на время для реализации какого-либо художественного проекта. И как только этот проект осуществлен, расходятся вновь. Карьеры художников воспринимаются как последовательности таких проектов. И эта темпоральность – одна из определяющих черт альтермодерна» [5].

В современной синергетике популярна концепция «переоткрытия времени» (термин предложен И. Пригожиным в конце 1970-х гг. XX в.), согласно которой универсум воспринимается сквозь призму событийности. Изменение пространственно-временного соотношения, в том числе категории социального времени, является симптомом постмодерна в направлении к модерну. Если речь идет о фигуре художника, то проектность – характерная черта *contemporary art*, объединяющая в себе множество постмодернистских техник и практик (реди-мейд, коллажирование и др.). В данном случае это явление не стоит считать особенностью постпостмодерна.

Исследователи нашего времени обращают внимание на тот факт, что игровой, несерьезный элемент, пронизывающий социокультурное пространство постмодерна, постепенно уходит. В повседневности его сменяет патриотическая эстетика, ностальгия, обращение к лирике. Соответствующее явление в сфере искусства характеризуется относительно устоявшимся в отечественном научном сообществе термином «транссентиментализм», т. е. искренняя апелляция к романтизму без свойственной постмодерну пародии, кальке, симулякру. Как справедливо отмечает О.П. Беспалая, транссентиментализм подразумевает «возвращение к лиризму, высоким образам, обращение к патриотизму. При этом никакой иронии, как это было в постмодернизме, не наблюдается» [6].

Аналогичной точки зрения придерживается О.А. Митрошенков, согласно которому постмодернистский «гламур» слишком далек от «вечных ценностей», сентиментальности, академизма. Сегодня ему на смену приходит новая – «ванильная» (условно) – эстетика. Ее наивная искренность, ожидание лучшего будущего, желание повседневной «утонченной красоты» ближе к постпостмодернизму, чем «классический гламур». Значимой эстетической базой для формообразования в постпостмодерне могут стать элементы соцреализма. «Большой стиль» вызывает интерес самых различных аудиторий, в том числе рафинированных. Еще один «перспективный вариант и интенция постпостмодернистской эстетики – ностальгия» [7].

На наш взгляд, трансформация постмодернистского пастиша и иронии в достаточно клишированную серьезность будет являться одной из самых важных семантических составляющих постпостмодерна. На этом фоне отказ от пародии, от игры может быть симптомом кардинальной социокультурной трансформации, а не дополнением постмодерна, не его логическим продолжением, в отличие от иных вышеприведенных характеристик постпостмодерна, явно наличествующих в самом постмодерне.

Любое социокультурное пространство можно идентифицировать через идеальный тип – среднестатистическую фигуру его представителя. Современное поколение представлено так называемыми миллениалами, ценностные основы которых находят отражение в статье журналиста Дж. Штайна под названием «Миллениалы: поколение Я Я Я». Миллениалами автор называет людей, рожденных между 1980 и 2000 гг. – поколение, представители которого должны быть потенциальными участниками социокультурной трансформации от постмодерна к постпостмодерну. Обратимся к фактам и оценкам, которые предлагает Д. Штайн.

Миллениалы не имеют четкой этической позиции. Главная особенность данного поколения – толерантность, превращенная в индифферентность, безразличие к ценностно-нормативным регулятивам, которые рассматриваются как условные, относительные, легко нарушаемые. Критерием моральной оценки явления служит личное субъективное мнение. Д. Штайн отмечает: «60 % из них считают, что способны интуитивно определить, что правильно, а что нет» [8]. Как пишет М.А. Можейко, «зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек, особенно молодой, оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к аксиологическим системам, а следовательно, не может зафиксировать самоидентичность своего сознания и себя как личности» [9], что вызвано аксиологической децентричностью культуры, отсутствием какой-либо универсальной системы моральных критериев и оценок.

С учетом распространенности медиа источником доверия служат не устойчивые морально-нравственные ориентиры, а мнение о той или иной ситуации, разделяемое большинством, о чем сигнализирует количество «лайков» и репостов. Не следует, очевидно, упоминать о механизмах манипуляции массовым сознанием, благодаря которому массовое отношение к событию или явлению может быть сформировано за считанные дни.

Поколение миллениалов не несет постпостмодернистского посыла. В культовой работе «Текущая современность» [10] З. Бауман обозначил черты индивида, формирующие постмодерн. Допускаем мысль об их мутации в связи с непрекращающимся развитием информационных технологий, но не о чем-то принципиально новом, способном принять и поддержать ценностные ориентиры. Безусловно, выступают контуры постпостмодернистской парадигмы, но они не пред-

ставляются очерченными. В настоящее время социокультурное пространство является постмодернистским, что свидетельствует о незавершенности парадигмы постмодерна как социокультурной реальности.

Отказ от иронии, как элемента поверхностного, ризомного мышления (в концепции традиционализма), может служить началом социокультурного сдвига. Однако рано заявлять о совпадении частной интенции и общей тенденции, которое приводит к социокультурным трансформациям парадигмального масштаба. Образ западного индивида – миллениала – полностью принадлежит миру постмодерна, и вряд ли способен адекватно воспринять иную социокультурную парадигму, разве что под угрозой новых вызовов глобального масштаба.

Ссылки:

1. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000. 368 с.
2. Митрошенков О.А. Что придет на смену постмодернизму? [Электронный ресурс] // Свободная мысль. 2013. № 5. URL: <http://svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (дата обращения: 07.02.2018).
3. Там же.
4. Чистяков Д.И. Модерн и постмодерн: динамика форм социологического теоретизирования // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 193–205.
5. Беспалая О.П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 20–22.
6. Там же.
7. Митрошенков О.А. Указ. соч.
8. Stein J. Millennials: The Me Me Me Generation [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation/> (дата обращения: 21.05.2018).
9. Можейко М.А. От постмодерна к постпостмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философии языка // IDIL. 2012. Т. 1. № 1. С. 71–86.
10. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.

References:

- Bauman, Z 2008, *Flowing Modernity*, St. Petersburg, 240 p., (in Russian).
- Bespalaya, OP 2014, 'After the Postmodern: Altermodern, Transmodern, Postpostmodern', *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, no. 3, pp. 20-22, (in Russian).
- Chistyakov, DI 2014, 'Modern and Postmodern: the Dynamics of the Forms of Sociological Theorizing', *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, no. 1, pp. 193-205, (in Russian).
- Epstein, MN 2000, *Postmodern in Russia. Literature and Theory*, Moscow, 368 p., (in Russian).
- Mitrosheikov, OA 2013, 'What Will Replace Postmodernism?', *Svobodnaya mysl'*, no. 5, viewed 07 February 2019, <<http://svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/>>, (in Russian).
- Mozheiko, MA 2012, 'From Postmodern to Postpostmodern: Modern Sociocultural Transformations and the Latest Trends in the Philosophy of Language', *IDIL*, vol. 1, no. 1, pp. 71-86, (in Russian).
- Stein, J 2018, *Millennials: The Me Me Me Generation*, viewed 21 May 2018, <<http://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation/>>.